

ПАВЕЛ ЛАВРИНЕЦ

Вильнюсский университет (Литва)

Павел Кукольник и польскоязычные поэты Литвы

Исследование заключается в реконструкции взаимоотношений между поэтами Литвы, писавшими на польском языке, и Павлом Васильевичем Кукольником (1795–1884), старшим братом более известного поэта, драматурга, прозаика Нестора Васильевича Кукольника (1809–1868), уточнении и дополнении имеющихся сведений о переводах Кукольника на польский язык и иного рода творческих и околотворческих связях польскоязычных литераторов с цензором, историком и литератором.

Ключевые слова: Павел Кукольник, Литва, перевод, польская поэзия, русская поэзия, литературные связи.

П. В. Кукольник, как известно, в конце 1824 г. был назначен профессором всеобщей истории и статистики Виленского университета и с весны 1825 г. до конца своей жизни прожил в Вильно. По упразднении университета (1832) он преподавал в Медико-хирургической академии, католической Духовной академии, католической епархиальной семинарии, одновременно служил цензором (1829–1841, 1851–1863), позднее председателем Виленского цензурного комитета (1863–1865), со временем обретая разнообразные связи в здешней научной и литературной среде.

Взаимоотношения между Кукольником и польскоязычными поэтами Литвы рассматривались в перспективах дружеских связей Кукольника с поэтом Владиславом Сырокомлей (Людвик Кондратович; 1823–1862) и его кругом [Шверубович 1885, 53; Рябов 1994, 216], зависимости местных литераторов от цензора, вызвавшей ряд переводов его стихотворений на польский язык [Šlekys 1985, 88], “польских симпатий” Кукольника [Прокофьева 1990, 139–140]. Перевод Сырокомли стихотворной повести Кукольника “Враг” объяснялся тем, что она содержанием и

морализмом близка шляхетской гавенде, напоминая аналогичные произведения переводчика. Переведенное им же стихотворение “Одиночество”, по мнению польского исследователя, отвечало собственным настроениям Сырокомли. Без комментариев отмечен перевод Сырокомлей исторической баллады “Альбоин” [Orłowski 1972, 116–117]. Подробнее переведенные Сырокомлей произведения Кукольника и сходство творческих установок двух авторов рассмотрены в другой статье польского ученого; сближение Кукольника с польскими учеными и литературными кругами объяснялось его польским происхождением [Orłowski 1981]. Российский исследователь польско-русских литературных связей первой половины XIX в. находил, что стихотворение “Одиночество” его переводчику Сырокомле близко “по мыслям и настроению”; стихотворение Кукольника “Сиротка”, переведенное учеником, другом и секретарем Сырокомли Винцентой Коротыньским (1831–1891), сродно польской социальной поэтической новелле, один из образцов которой — “Почталъон” Сырокомли [Прокофьева 1990, 140]. Этот образец, которым Сырокомля дебютировал в печати (1844), хорошо знаком русской публике по переводу Л. Н. Трефолева (1868), ставшему народной песней “Когда я на почте служил ямщиком”. Перечень публикаций шести переводов стихотворений Кукольника, выполненных Сырокомлей (три уже названных), Коротыньским (помимо упомянутой “Сиротки” также “Два суда”) и Антонием Эдвардом Одынцем (1804–1885; “Суд поэта”), в статье литовского ученого [Šlekys 1985, 87–88] нуждается в уточнениях и дополнениях.

В некрологе, написанном уроженцем Вильно, представления которого о Кукольнике и его творчестве сложились из впечатлений ранней юности и разговоров в кругу семьи и общих знакомых, утверждалось, что он приобрел “некоторую известность в литературе своими превосходными переводами польских писателей, в особенности же поэтов Кондратовича-Сырокомли и Одынца” [Егоров 1885, 633]. К этим сомнительным утверждениям некролога, полностью воспроизведенного в мемуарах А. Е. Егорова [1913, 45], восходят сведения о переводах Кукольником стихотворений Одынца и Сырокомли [Рябов 1994, 216; Veržaitė 2007], не удостоверяемые фактами.

Связи Кукольника с польской интеллектуальной средой складывались постепенно: свидетельства современников не позволяют говорить о близких отношениях его с учеными и литературными кругами Вильно в 1820-х – первой половине 1840-х гг. Но с конца 1840-х гг. занятия краеведением и историей Литвы вошли в обязанности Кукольника как чиновника особых поручений по исторической и статистической части

края при генерал-губернаторе Ф. Я. Мирковиче и члена-корреспондента губернского статистического комитета [Шверубович 1885, 34–35]. Делопроизводителем статистического комитета был Адам Гонорий Киркор (1818–1886), начинающий литератор, впоследствии издатель, историк и краевед, автор первого путеводителя по Вильно. Членами-корреспондентами комитета значились исследователи литовской старины прелат виленского Кафедрального собора Мамерт Гербурт (1789–1873), историк Теодор Нарбут (1784–1864), литератор Игнацы Ходзько (1794–1861) [Памятная книжка 1850, 18]. С конца 1852 г. в Вильно обосновался Сырокомля, сблизившийся с здешними литераторами и учеными, такими как Одынец, Киркор, археограф и историк Миколай Малиновский (1799–1865), археолог и историк граф Евстахий Тышкевич (1814–1874). На еженедельных вечерах у поэта с участием литераторов, художников, музыкантов, актеров бывал Кукольник. Он, по предположению биографа Сырокомли, приглашался для придания вечерним собраниям официального характера [Fornalczyk 1972, 267–271]. Весной 1853 г. Сырокомля перебрался в усадьбу Борейковщина под Вильно. Связи его с виленским кругом знакомств, в который входил и Кукольник, не прервались: известно, что виленский цензор был крестным отцом сына Сырокомли Казимира и на крестины ездил в Борейковщизну [Szostakowski 2012, 38].

Сближение с этим кругом виленских деятелей ознаменовали статьи Кукольника “История управления и законодательства Литвы” и “Стоклишские минеральные воды”, опубликованные в 1853 г. в “Исторически-статистических очерках Виленской губернии” (неофициальной части ежегодной “Памятной книжки Виленской губернии”) под редакцией Киркора (сборник включил также две статьи последнего и очерк истории виленской астрономической обсерватории М. М. Гусева). В 1854 г. губернский статистический комитет издал сборник “Черты из истории и жизни литовского народа” со статьями по краеведению, истории и фольклору Киркора (“Литовские древности” и “Великий князь Витовт”), Сырокомли (“Великая княгиня Варвара”), Кукольника (“Предания литовского народа”, “Обычаи, поверья и предрассудки литовцев”, “Обряды жителей Литвы”, “Литовские песни”, “Пословицы и поговорки”).

Кукольник подписывал цензурные разрешения сочинениям Сырокомли. Например, 18 октября 1851 г., по-видимому, еще до личного знакомства поэта с цензором, датировано разрешение второго тома труда по истории литературы в Польше (первый вышел в 1850 г. с разрешения цензора и бывшего профессора Виленского университета Яна Вашкевича) “Dzieje literatury w Polsce od pierwiastkowych, do naszych

czasów”, 9 апреля 1853 г. — книги очерков “Wędrowki po moich niegdyś okolicach”, 15 января 1854 г. — книжки с двумя гавендами (“Spowiedź pana Korsaka” и “Pan Marek w piekle”) “Dwie gawędy Władysława Syrokomli”, 11 сентября 1854 г. — поэмы “Margier. Poemat z dziejów Litwy”, 8 декабря 1855 г. — пьесы “Chatka w lesie”.

С началом правления Александра II изменилась общественно-политическая ситуация в Северо-Западном крае. Новую политику осуществлял назначенный в конце 1855 г. командующим войсками Виленского округа, виленским губернатором и управляющим гражданской частью, гродненским и ковенским генерал-губернатором В. И. Назимов, прибывший на место новой службы в феврале 1856 г. Он был близок к императору еще в бытность его наследником престола, был его инструктором по военной части, сопровождал в поездках. В 1841 г. Назимов в качестве председателя, затем члена особой следственной комиссии по делу о заговоре, по которому под арестом оказалось свыше сотни человек, включая военных и полицейских чинов, студентов Медико-хирургической академии и Дерптского университета, профессоров Юзефа Мянковского и Александра Велька, графини Люции Забелло (урожденной Вавжецкой; в первом браке супруга бывшего виленского генерал-губернатора Н. А. Долгорукова), заслужил репутацию избавителя края от репрессий. Благодаря этим обстоятельствам назначение Назимова было воспринято как знак особой милости государя и предзнаменование благоприятных перемен в судьбах края [Лавринец 2015, 251–254].

Политику компромиссов наиболее ярко выражала деятельность Виленской археологической комиссии и Музея древностей, созданных по почину и на средства Тышкевича, и покровительство властей этому начинанию (вкуче с контролем над ним). По характеру и направлению деятельности Археологическая комиссия и Музей древности соответствовали названиям лишь отчасти: сосредоточившее практически весь интеллектуальный потенциал края научное и культурное общество стало самой яркой общественной инициативой своего времени в Литве; музей, собрания которого включали не только разнообразные предметы старины, но и богатую коллекцию картин, гравюр, бюстов и статуй, также орнитологическую и иные естественнонаучные экспозиции, фактически был универсальным музеем [Stolzman 1973, 38–41; Aleksandravičius 1984; Лавринец 1989, 45–46; Aleksandravičius 1989, 34–65]. Кукольник в 1855 г. стал действительным членом Археологической комиссии в числе первых 15 ее членов, “снискавших известность учеными трудами своими по части истории, археологии и статистики здешнего края”. Среди них оказались хорошо ему знакомые по трудам

и по сотрудничеству в губернском статистическом комитете Гербурт, Нарбут, Ходзько, Киркор, также Малиновский, историк Михал Балинский (1794–1864), историк и архивист Маурыцы Крупович (1823–1891) [Записки 1856, 7–8]. В феврале 1856 г. в члены-сотрудники были избраны Одынец, редактор официальной двуязычной газеты “Виленский вестник” (= “Kurjer Wileński”), и автор “Истории польской литературы” Кондратович (Сырокомля) [там же, 18]. Позднее, в 1862 г., членом-сотрудником комиссии стал друг и секретарь Сырокомли Коротынский.

На торжественном открытии музея в апреле 1856 г. Кукольник выступал вслед за председателем комиссии и попечителем музея Тышкевичем и Киркором; присутствовавшим были розданы экземпляры стихотворения, написанные по этому поводу на польском языке членом-сотрудником Археологической комиссии Сырокомлей [там же, 20–21, 40–48]. Совместная деятельность в Виленской археологической комиссии еще больше сблизила Кукольника с местными польскоязычными литераторами. По свидетельству служившего при Назимове адъютантом и начальником особого отделения по политическим делам А. С. Павлова, генерал-губернатор своими “познаниями в области вопросов, относящихся до вверенного ему края и его обывателей” был обязан постоянными беседами с знатоками “истории западных губерний и природы польского шляхетства”, среди которых наряду с Тышкевичем, Киркором, Одынцем, Ходзько назван и Кукольник [Павлов 1885: 566–567]. Он в 1850-е гг. “был почти единственный деятель русской науки в кругу лиц, считавших себя представителями литературных интересов Литвы” [Шверубович 1885, 44].

В этот период появились переводы стихотворений Кукольника. 28 апреля 1856 г. им подписано цензурное разрешение сборника стихотворений и переводов Сырокомли “Gawęd, gymów ulotnych i przekładów: rozset trzeci”. В книгу был включен перевод первой части стихотворной повести Кукольника “Wraǵ” (“Wróg-kusiciel”) с примечанием о том, что повесть, предоставленная уважаемым автором в рукописи, переведена из-за благородной тенденции и отменной картины шляхетской жизни (“dla jej zasnej tendency i wybornego rysunku naszego szlacheckiego ǳywota”). Переводчик обещал знакомить публику с последующими частями повести по мере выхода из-под пера автора [Kondratowicz 1856, 181–217]. На русском языке повесть “Wraǵ” была напечатана в сборнике Кукольника 1861 г., выпущенном в типографии Киркора “в самом ограниченном числе экземпляров” только для ближайших друзей; первая часть была помечена 1853 г., вторая — 1861 г. Спустя годы перевод “Wróg-kusiciel. Powieść wierszowana Pawła Kukolnika” вошел в посмерт-

ное собрание сочинений Сырокомли, с пометкой под текстом “1856. Борейковщизна” [Kondratowicz 1872, 171–194]. В этом же томе сочинений был напечатан “Alboin. Z Pawła Kukolnika” с датой под текстом “1857. Вильно” [Kondratowicz 1872, 195–198]. Это — фрагмент с описанием битвы между лангобардами и гепидами из пространного стихотворного сочинения Кукольника “Албоин. Лангобардская легенда” [Кукольник 1861, 317–356].

В декабре 1858 г. в день тезоименитства наследника цесаревича Николая Александровича состоялось чрезвычайное заседание комиссии, на котором попечитель Виленского учебного округа барон Е. П. Врангель вручил Тышкевичу рескрипт наследника, принимавшего под свое покровительство комиссию и музей. В заключение заседания Кукольник “прочел свое стихотворение, по этому случаю написанное, и исполненное глубоких чувств и верноподданнической преданности” [Вильно 1858]. Стихотворение вскоре было напечатано в “Виленском вестнике” с переводом Сырокомли [Кукольник 1858]; перевод не был учтен учеными, занимавшимися переводами Кукольника на польский язык. Спустя три года стихотворение вошло в упомянутый сборник стихотворений Кукольника.

Назимов, почетный член Московского университета и в 1849–1855 гг. попечитель Московского учебного округа, устраивал в Вильно обеды в честь годовщин основания университета. На таком обеде в 1859 г. Кукольник декламировал “стихотворение, внушенное ему его усердным и многолетним служением просвещению и гармонизировавшее с духом праздника” [б. воспитанник М. У...та 1859]. Несколько недель спустя “благодарно сообщенное в редакцию” стихотворение было опубликовано вместе с анонимным переводом на польский язык. Перевод, вероятно, принадлежит редактору газеты Одынцу; в противном случае он был бы подписан [Смесь 1859].

В условиях смягченных ограничений культурной деятельности Сырокомля в 1857 г. вновь обосновался в Вильно [Fornalczyk 1972, 345–347, 351]. Он исполнял обязанности секретаря Археологической комиссии; на сцене ожившего виленского городского театра с успехом шли новые пьесы Сырокомли. Поэт возобновил у себя литературные вечера с участием Одынца, Ходзько, Малиновского, Кукольника [там же, 371]. Кукольник, вместе с Сырокомлей, Киркором, Круповичом, был участником музыкально-литературных вечеров, устраиваемых в конце 1850-х и в начале 1860-х годов “интимным кружком местных писателей и артистов” [Шверубович 1885, 39]. В это время с разрешения цензора Кукольника выходили исторические драмы Сырокомли (“Kasper

Karliński”, с датой разрешения 17 декабря 1857 г.; “Możnowładcy i sierota (Zofija xiężniczka słucka)”, 9 ноября 1858 г.), стихотворные сочинения (“Dni pokuty i smartwychwstania”, 26 февраля 1858 г.), книги мемуарного и краеведческого содержания (“Wycieczki po Litwie w promieniach od Wilna”, 14 февраля 1859 г.; “Niemen od źródeł do ujścia”, 29 апреля 1860 г.).

Кукольник подписал 24 июня 1857 г. цензурное разрешение первого тома альманаха Киркора “TeKa Wileńska”, в котором, между прочим, помещены кантата Сырокомли “Franciszek z Assisu” и его краеведческий очерк “Mińsk”, продолженный в следующем томе, статья Малиновского о юридическом статусе помещиков в старой Литве, стихотворение Каролины Проневской (1828–1859). Во втором томе альманаха, разрешенном к печати 3 сентября 1857 г. также Кукольником, напечатаны два стихотворения Проневской и перевод Коротынского стихотворения Кукольника “Сиротка” [Korotyński 1857]. Очевидно, что и в этом случае переводчик (как Сырокомля с повестью “Wrag”) располагал рукописью, полученной от автора: стихотворение (датированное 1839 г.) напечатано в сборнике Кукольника 1861 г. Экземпляр сборника с инскриптом “Викентию Александровичу Коротынскому от автора” хранится в Российской государственной библиотеке, что обнаружил Я. Орловский [Orłowski 1981, 88]; см. оцифрованное издание [Кукольник 1861a]. В роли цензора Кукольник имел дело с сочинениями и этого начинающего автора: 30 мая 1856 г. датировано разрешение печатать сборник Коротынского “Czém chata bogata, tém rada: kilka poezuj” с предисловием Сырокомли, 17 июня 1857 г. — стихотворные картины из крестьянской жизни “Tomilo: obrazek z życia ludu”, 25 мая 1859 г. — стихотворное обличение пьянства “Wypił Kuba do Jakóba. Urodziny, powołanie i suchoty gorzałki: dla pożytku pospolitego”.

В третьем томе альманаха “TeKa Wileńska” (цензурное разрешение Кукольника 29 ноября 1857 г.) помещены стихотворения Сырокомли, Проневской, княгини Пузыниной-Гюнтер (1815–1869), переводы Одынца стихотворений “Пророк” А. С. Пушкина, “На церковное строение” П. А. Вяземского, “По прочтении псалма” А. С. Хомякова, “Минувших дней очарованье...” В. А. Жуковского, а также “Dwa sądy” — стихотворение Кукольника в переводе Коротынского [Korotyński 1858]. Перевод несомненно выполнен по рукописи, предоставленной автором: в печати оригинальный текст кантаты под названием “На смерть Поэта” (с датой 16 февраля 1837 года) явился тремя годами позже в сборнике стихотворений. 14 февраля 1858 г. Кукольник подписал разрешение печатать четвертый том альманаха с переводом Сырокомли стихотворения

Кукольника “Samotność” (“Одиночество”) [Kondratowicz 1858]. На языке оригинала религиозно-назидательное по содержанию стихотворение, датированное 17 сентября 1850 г., под названием-посвящением “Софье Николаевне Симон” (“Мы брошены в сей мир для муки и скорбей...”) вошло в раздел “Разным лицам в знак памяти” уже не раз упомянутого сборника [Кукольник 1861, 34–35].

31 декабря 1858 г. датировано цензурное разрешение Кукольника сборника стихотворений Одынца, в который вошли переводы стихотворений Пушкина, Вяземского, Хомякова, опубликованные в альманахе “TeKa Wileńska”, и рядом с пушкинским “Пророком», — “Sąd Poety” [Odyniec 1859, 222–229], то же самое стихотворение Кукольника, которое ранее перевел Коротынский. Текст для перевода и в этом случае, очевидно, был предоставлен автором, что требует объяснения — почему именно это стихотворение было передано едва ли не одновременно Коротынскому и Одынцу? Ответ кроется в программном характере стихотворения, в котором поэзия трактуется как Божий дар, даруемый

*Чтобы склонять к добру сердца,
Чтобы спасти добычу заблужденья,
И славить на земле Творца.*

Поэт заслужил высокую оценку земного суда,

*Дань благодарности отечества всего,
Дань дарованиям кумира
И славы века своего.*

Но суд Превечного неизмеримо строже; у поэта, променявшего “благословенье // Существ небес и милость Божества” на одобрение “жалкой черни” и преходящее торжество, не находится оправданий [Кукольник 1861, 7–9]. Он считал, по-видимому, возможным проповедовать и посредством переводов поэтическое кредо, от которого Кукольник отступал только в нравоописательных стихотворных повестях, впрочем, содержащих отчетливое морализаторство. С обозначенными в стихотворении “На смерть Поэта” требованиями к поэзии Кукольник подходил и в оценках творчества польскоязычных поэтов Литвы.

Киркор с 1860 г. стал редактором и издателем газеты “Виленский вестник” (= “Kurjer Wileński”), в которой Кукольник опубликовал историко-краеведческий очерк “Путешествие по Замковой улице в Вильне” (1860, №№ 1–27, с перерывами), очерки “Отрывки из поездки в Гродненскую губернию” (1860, №№ 73–74) и “18-ое число августа 1862 года” (1862, № 66). В первом из них Кукольник высоко отозвался о “Не-

сторе отечественной поэзии” Одынце. Склонному к благочестивому морализаторству Кукольнику импонировало “религиозное направление” творчества “поэта-философа и вместе с тем поэта-христианина”, проявившееся в драме “Фелицита (Карфагенские мученики)” [Кукольник 1860]. Первое издание драмы “Felicyta czyli męczennicy kartagińscy” вышло в Вильно в 1849 г. с разрешения цензора Вашкевича; второе издание было напечатано в Познани, но с разрешением виленского цензора Кукольника (25 мая 1857 г.).

Второе место, по Кукольнику, занимал “любимец здешней публики” Сырокомля. Его сочинения, “кроме существенных достоинств и красот, отличаются необыкновенною легкостью и приятностью в чтении”. По убеждению автора очерка, “Ян Демборог”, “Исповедь Корсака”, “Маргер” и другие его сочинения “перейдут в отдаленнейшие времена и будут читаны позднейшим потомством”. Кукольник отметил также успех на виленской сцене пьес “Каспер Карлинский”, “Княжна Софья Слуцкая”, “Хатка в лесу” и упомянул “Историю литературы в Польше”. Коротынский в оценке Кукольника — “талант самородный, проложивший сам себе дорогу на Парнас и поднимающийся на него с необыкновенною смелостью и ловкостью”. Дар его с особенной силой проявился в “трогательной, но вместе раздирающей душу повести” “Томилло”. Лаконично отметив Ходзько, Кукольник охарактеризовал творчество “дамы-поэта” Пузыниной-Гюнтер, уже первые томики стихотворений которой свидетельствовали о неподдельном таланте. Кукольник упомянул ее прекрасные комедии, которые “представляются на нашей сцене с большим успехом”. Недавно изданное поэтессой, по словам Кукольника, собрание новых стихотворений, “исполненных чувства и поэзии”, в действительности представляет собой сборник старых и новых текстов “W imię Boże — Dalej w świat! Zbiór poezyj dawniejszych i nowych”, Кукольником одобренный 25 ноября 1858 г.

Свойственные поэзии Пузыниной-Гюнтер религиозные мотивы и дидактичность вполне отвечали вкусам цензора. Те же качества заставили Кукольника особо остановиться на поэзии Проневской, которая “хотя родилась на Жмуди, но по непрерывным сношениям с Вильной и месту издания ее стихотворений неоспоримо принадлежит к кругу наших литераторов”. В понимании Кукольника, назидательна сама непродолжительность творческого пути рано умершей поэтессы: “истинный феномен на нашем литературном поприще” явился на короткое время для того, чтобы “показать изумленному свету, что значит истинное вдохновение, дар самого Бога, даже без содействия правильного образования”. Кукольник высоко оценил ее стихотворения, помещенные

в альманахе “TeKa Wileńska”, исполненные “глубоких истин, прекраснейших оборотов”. В характеристике творчества Проневской ясно выражены представления Кукольника о достоинствах истинной поэзии:

Душа ее, проникнутая любовью к Богу, черпала премудрость в этом беспредельном океане, и дух Превечного, умудряющий младенцев, явил в ней изумленному свету чудеса благодатных своих действий, но явил на короткое время, как бы затем, чтобы пристыдить многолетних тружеников науки и показать им, что в Нем одном только находится источник истинно великого и прекрасного. На 23 году* Проневская рассталась с миром, который своими вдохновенными творениями старалась насильно поднять к небесам. При всей своей кротости и скромности, она понимала, как высоко ценил ее образованный свет, предвидела, какой блестящий успех и какая заслуженная слава ожидала ее в будущем; но предчувствуя приближение роковой минуты, встретила ее с Христианскою покорностью и передала Превечному отцу вместе с душой своей и прекрасный дар Его столь чистым, каким она приняла из Пресвятых рук Его.

Сборник стихотворений Проневской (одобренный цензором Кукольником 29 октября 1857 г.) содержал стихотворения, опубликованные ранее в альманахе “TeKa Wileńska”, посвящения Одынцу и Сырокомли, стихи религиозной тематики и адресованный Кукольнику как цензору и поэту панегирик “Do P. Kukolnika” с пожеланием не скрывать от света сокровищ своей духовной песни [Proniewska 1858, 195–196]. В очерке Кукольника среди других “современных здешних полезных деятелях на поприще наук и литературы” перечислены также имена Тышкевича, Нарбута, Малиновского, Балинского, Гербурга, Круповича [Кукольник 1860, 44].

Таким образом, близкие отношения Кукольника со средой польско-язычных ученых и литераторов Вильно начали складываться в первой половине 1850-х гг. Они окрепли во второй половине 1850-х гг., в недолгий период политики компромиссов властей с местной элитой и надежд виленского общества на плодотворность сотрудничества с властями. Биограф Кукольника объяснял оживление его литературной деятельности в конце 1850-х гг. дружбой с Сырокомлей, которая “расшевелила опять поэтическое настроение Павла Васильевича” [Шверубович 1885, 38]. С учреждением Археологической комиссии оказавшись “ревностным сотрудником тогдашних исследователей литовской старины”, Кукольник “особенно близко сошелся с кружком поэта Сырокомли, произведения которого, по своему содержанию, весьма гармонировали с личными взглядами Павла Васильевича” [там же, 53]. Возможно, в зависимости от этих свидетельств находятся утверждения мемуариста о

---

* В действительности Проневская скончалась в 1859 г. на 32-м году жизни.

том, что дружба с Сырокомлей “способствовала поэтическому творчеству” Кукольника [Гене 1914, 594].

Упрочению связей Кукольника с литераторами и издателями способствовала его должность цензора. Он пользовался репутацией цензора честного, благоразумного и снисходительного, доброжелательного и отзывчивого [Stolzman 1987, 89; Прокофьева 1990, 140; Medišauskienė 1998, 92–95]. Переводы Сырокомли, Одынца, Коротынского отчасти объясняются стремлением поддерживать хорошие отношения с цензором, от которого зависела судьба их собственных произведений [Šlekys 1985, 88]. Кукольник отводил своему стихотворству сугубо служебную роль, сочиня преимущественно стихотворения на случай по поводу событий общественных, главным образом местных, и событий частной жизни связанных с ним лиц. Поэтому говорить о его литературных притязаниях не приходится. Тем не менее продвижение его слабых в художественном отношении произведений могло быть сознательным тактическим ходом Киркора [Matlak-Piwowska 1978, 124], помещавшего в своих изданиях переводы Кукольника в расчете на приобретение благосклонности цензора [Stolzman 1987, 89].

Переводов Кукольника на польский язык больше, чем было известно до сих пор: не были учтены перевод Сырокомли стихотворения “Шестое число декабря 1858 года” и перевод без обозначения переводчика, опубликованный параллельно с русским текстом стихотворения по случаю годовщины Московского университета. Одно стихотворение было переведено дважды — Коротынским (“Dwa sądy”) и Одынцом (“Sąd Poety”). Уточняя сведения о переводах, удалось установить источники перевода Сырокомли “Samotność” и “Alboin”.

В 1861 г. политическая ситуация изменилась; компромиссы и сотрудничество становились все менее возможными по мере нарастания религиозно-патриотических манифестаций, одной из которых стали многолюдные похороны Сырокомли в сентябре 1862 г. [Лавринец 1989, 45; Fornalczyk 1972, 504–505]. В 1861–1865 гг. близкие Кукольнику польскоязычные литераторы и ученые ушли из жизни (Ходзько, Нарбут, Балинский, Одынец), уехали в Варшаву (Коротынский) или Санкт-Петербург (Киркор). В январе 1863 г. началось открытое восстание, в мае того же года Назимова сменил М. Н. Муравьев; в условиях муравьевского режима прежние отношения стали невозможными.

ЛИТЕРАТУРА

- б. воспитанник М. У...та, 1859: 12 января 1859 года = b. uczeń M. Un...tu. Dzień 12 Stycznia 1859 г., *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński*, 7, 23 января. 94–95.
- Вильно, 1858: Вильно = Wilno, *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński*, 96, 9 декабря. 1026–1027.
- Гене А., 1914: Виленские воспоминания, *Русская старина*, 6. 580–610.
- [Егоров А. Е.] Анатолий Е-ов, 1885: Павел Васильевич Кукольник † 1884 г., *Русская старина*, 12. 633–635.
- Егоров А. (Конспаров), 1913: *Страницы из прожитого. I: Воспоминания семейные, личные, служебные, общественные и проч. 1842–1882 гг.* Одесса.
- Записки, 1856 = *Записки Виленской археологической комиссии*, I. Под ред. А. Киркора и М. Гусева = *Pamiętniki komisji archeologicznej Wileńskiej*, I. Pod red. M. Balińskiego i L. Kondratowicza. Wilno.
- Кукольник П., 1858: Шестое число декабря 1858 года, в Виленской археологической комиссии = Dzień szósty grudnia 1858 roku, w Wileńskiej Archeologicznej Komisji. Wiersz Pawła Kukulnika (Przekład z Rosyjskiego Władysława Syrokomli), *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński*, 98, 16 декабря, 1045–1046.
- Кукольник П., 1860: Путешествие по Замковой улице в Вильне, *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński*, 6, 19 января, 44.
- Кукольник П., 1861: *Стихотворения. 1861 года.* Вильно.
- Кукольник П., 1861а: Стихотворения, in *Российская государственная библиотека (Фонд электронных документов)*. Доступ в Интернете: <http://search.rsl.ru/ru/record/01003863359> (24 05 2017).
- Кукольник П., 1872: *Стихотворения. II.* Вильна.
- Лавринец П., 1989: Н. С. Лесков и вильнюсские литераторы, *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai: Literatūra* = *Научные труды. Литература*, 31 (2), 44–56.
- Лавринец П., 2015: Владимир Назимов и Виленская временная археологическая комиссия, in Būčys Ž., Griškaitė R. (sud.), *Kova dėl Istorijos: Vilniaus senienų muziejus (1855–1915). Mokslo straipsnių rinkinys*. Vilnius, 251–262.
- Павлов А. С., 1885: Владимир Иванович Назимов. Очерк из новейшей летописи северо-западной России, *Русская старина*, XLV, март. 552–580.
- Памятная книжка, 1850 = *Памятная книжка Виленской губернии на 1850 год.* Вильно.
- Прокофьева Д. С., 1990: «Струн вещей пламенные звуки». *Страницы польско-русских литературных связей первой половины XIX в.* Москва.
- Рябов А. К., 1994: Кукольник Павел Васильевич, in Николаев П. А. (гл. ред.), *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*, 3: К–М. Москва, 215–217.
- Смесь 1859: Смесь = Rozmaitości. *Виленский вестник* = *Kurjer Wileński*, 13, 13 февраля, 153.
- Шверубович А. И., 1885: *Братья Кукольники. Очерк их жизни: Биография, служебно-литературная деятельность и Хроника современных им событий в Северо-Западном крае.* Вильна.

- Aleksandravičius E., 1984: Caro valdžios požiūris į Vilniaus archeologijos komisiją (1855–1865), *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai*. A serija, 4 (89). 101–112.
- Aleksandravičius E., 1989: *Kultūrinis sąjūdis Lietuvoje 1831–1863 metais: Organizaciniai kultūros ugdymo aspektai*. Vilnius.
- Beržaitė D., 2007: Kukolnik Pavel, in *Visuotinė lietuvių enciklopedija*, 11: *Kremacija – Lenzo taisyklė*. Vilnius, 206.
- Fornalczyk F., 1972: *Hardy lirnik wioskowy. Studium o Kondratowiczu-Syrokomli*. Poznań.
- [Kondratowicz L.], 1856: Wróg-kusiciel. Powieść wierzowana Pawła Kukolnika, in Syrokomla W., *Gawęd, rymów ulotnych i przekładów: poczet trzeci*. Wilno, 181–217.
- [Kondratowicz L.] Syrokomla W., 1858: Samotność (z P. Kukolnika). *Teka Wileńska*, 4. 18–19.
- Kondratowicz L. (Syrokomla L.), 1872: *Poezye. Wydanie zupełne na rzecz wdowy i sierot autora*, X: *Tłómaczenia*. Dział 2: *Przekłady z rozmaitych języków*. Warszawa.
- Korotyński W., 1857: Sierotka (z Pawła Kukolnika). *Teka Wileńska*, 2. 73–74.
- Korotyński W., 1858: Dwa sądy (z Pawła Kukolnika). *Teka Wileńska*, 3. 16–19.
- Matlak-Piwowska D., 1978: “Rubon” i “Teka Wileńska”, 1842–1849; 1857–1858, in Galster B., Kamionka-Straszakowa J., Sierocka K. (red.), *Zwiercadło prasy. Czasopisma polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej*. Wrocław etc., 121–131.
- Medišauskienė Z., 1998: *Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje*. Kaunas.
- Odyniec A. E., 1859: *Poezye. Wydanie nowe. Poprawne i pomnożone*, I. Wilno.
- Orłowski J., 1972: Władysław Syrokomla jako tłumacz poezji rosyjskiej. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F: Nauki Filozoficzne i Humanistyczne*, XXVII (7), 107–122.
- Orłowski J., 1981: Paweł Kukolnik i Władysław Syrokomla. *Zeszyty Naukowe Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne*, 14: *Filologia Rosyjska* (5), 85–93.
- Proniewska K., 1858: *Piosneczki. Bogu na chwałę, na pamiątkę przyjaciółom*. Wilno.
- Šlekys J., 1985: Lietuvių-rusų literatūriniai ryšiai XIX a. pirmoje pusėje (1801–1861), in *Literatūra ir kalba*, XVIII: *Literatūriniai ryšiai*. Vilnius, 57–98.
- Stolzman M., 1973: *Czasopisma wileńskie Adama Honorego Kirkora*. Warszawa – Kraków (*Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*, CCCXXI: *Prace historycznoliterackie*, z. 26).
- Stolzman M., 1987: *Nigdy od ciebie miasto... Dzieje kultury wileńskiej lat międzypowstaniowych (1832–1863)*. Olsztyn.
- Szostakowski J., 2012: *Śladami pamięci*. Wilno.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Aleksandravičius E., 1984: Caro valdžios požiūris į Vilniaus archeologijos komisiją (1855–1865), *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai*. A serija, 4 (89). 101–112.
- Aleksandravičius E., 1989: *Kultūrinis sąjūdis Lietuvoje 1831–1863 metais: Organizaciniai kultūros ugdymo aspektai*. Vilnius.

- b. vospitannik M. U...ta, 1859: 12 yanvarya 1859 goda = b. uczeń M. Un...tu. Dzień 12 Stycznia 1859 r., *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński*, 7, 23 yanvarya, 94–95.
- Beržaitė D., 2007: Kukulnik Pavel, in *Visuotinė lietuvių enciklopedija*, 11: *Kremacija – Lenzo taisyklė*. Vilnius, 206.
- Fornalczyk F., 1972: *Hardy lirnik wioskowy. Studium o Kondratowiczu-Syrokomli*. Poznań.
- Gene A., 1914: Vilenskie vospominaniya, *Russkaya starina*, 6. 580–610.
- [Yegorov A. E.] Anatoliy Ye–ov, 1885: Pavel Vasiljevich Kukulnik † 1884 g., *Russkaya starina*, 12. 633–635.
- Yegorov A. (Konsparov), 1913: *Stranicy iz prozhitogo*. I: *Vospominaniya semejnye, lichnye, sluzhebnye, obshhestvennye i proch. 1842–1882 gg*. Odessa.
- [Kondratowicz L.], 1856: Wróg-kusiciel. Powieść wierzowana Pawła Kukulnika, in Syrokomla W., *Gawęd, rymów ulotnych i przekładów: poczet trzeci*. Wilno, 181–217.
- [Kondratowicz L.] Syrokomla W., 1858: Samotność (z P. Kukulnika). *Teka Wileńska*, 4. 18–19.
- Kondratowicz L. (Syrokomla L.), 1872: *Poezye. Wydanie zupełne na rzecz wdowy i sierot autora*, X: *Tłómaczenia*. Dział 2: *Przekłady z rozmaitych języków*. Warszawa.
- Korotyński W., 1857: Sierotka (z Pawła Kukulnika). *Teka Wileńska*, 2. 73–74.
- Korotyński W., 1858: Dwa sądy (z Pawła Kukulnika). *Teka Wileńska*, 3. 16–19.
- Kukul'nik P., 1858: Shestoe chislo dekabrya 1858 goda, v Vilenskoj arkheologicheskoj komissii = Dzień szósty grudnia 1858 roku, w Wileńskiej Archeologicznej Kommissyi. Wiersz Pawła Kukulnika (Przekład z Rossyjskiego Władysława Syrokomli). *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński*, 98, 16 dekabrya, 1045–1046.
- Kukul'nik P., 1860: Puteshestvie po Zamkovej ulice v Vil'ne, *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński*, 6, 19 yanvarya, 44.
- Kukul'nik P., 1861: *Stikhotvoreniya. 1861 goda*. Vil'no.
- Kukul'nik P., 1861a: Stikhotvoreniya, in *Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka (Fond elektronnykh dokumentov)*. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01003-863359> (24 05 2017).
- Kukul'nik P., 1872: *Stikhotvoreniya*. II. Vil'na.
- Lavrinetis P., 1989: N. S. Leskov i vil'nyusskie literatory, *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai: Literatūra = Nauchnye trudy. Literatura*, 31 (2), 44–56.
- Lavrinetis P., 2015: Vladimir Nazimov i Vilenskaya vremennaya arkheologicheskaya komissiya, in Būčys Ž., Griškaitė R. (sud.), *Kova dėl Istorijos. Vilniaus senienų muziejus (1855–1915)*. *Mokslo straipsnių rinkinys*. Vilnius, 251–262.
- Matlak-Piwowarska D., 1978: “Rubon” i “Teka Wileńska”, 1842–1849; 1857–1858, in Galster B., Kamionka-Straszakowa J., Sierocka K. (red.), *Zwiercadło prasy. Czasopisma polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej*. Wrocław etc., 121–131.
- Medišauskienė Z., 1998: *Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje*. Kaunas.
- Odyniec A. E., 1859: *Poezye. Wydanie nowe. Poprawne i pomnożone*, I. Wilno.
- Orłowski J., 1972: Władysław Syrokomla jako tłumacz poezji rosyjskiej. *Annales*

- Universitatis Mariae Curie-Sklodowska. Sectio F: Nauki Filozoficzne i Humanistyczne*, XXVII (7), 107–122.
- Orłowski J., 1981: Paweł Kukolnik i Władysław Syrokomla. *Zeszyty Naukowe Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne*, 14: *Filologia Rosyjska* (5), 85–93.
- Pamyatnaya knizhka, 1850 = *Pamyatnaya knizhka Vilenskoj gubernii na 1850 god. Vil'no*.
- Pavlov A. S., 1885: Vladimir Ivanovich Nazimov. Oчерk iz noveishei letopisi severo-zapadnoi Rossii, *Russkaya starina*, XLV, mart. 552–580.
- Prokof'eva D. S., 1990: «*Strun veshchikh plamennye zvuki*». *Stranitsy pol'sko-russkikh literaturnykh svyazei pervoi poloviny XIX v.* Moskva.
- Proniewska K., 1858: *Piosneczki. Bogu na chwałę, na pamiątkę przyjaciolom*. Wilno.
- Ryabov A. K., 1994: Kukol'nik Pavel Vasil'evich, in Nikolaev P. A. (gl. red.), *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*, T. 3: K–M. Moskva.
- Shverubovich A. I., 1885: *Brat'ya Kukol'niki. Oчерk ikh zhizni: Biografiya, sluzhebno-literaturnaya deyatel'nost' i Khronika sovremennykh im sobytii v Severo-Zapadnom krae*. Vil'na.
- Smes', 1859: Smes' = Rozmaitości. *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński*, 13, 13 fevralya, 153.
- Stolzman M., 1973: *Czasopisma wileńskie Adama Honorego Kirkora*. Warszawa – Kraków (*Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*, CCCXXI: *Prace historycznoliterackie*, z. 26).
- Stolzman M., 1987: *Nigdy od ciebie miasto... Dzieje kultury wileńskiej lat międzypowstaniowych (1832–1863)*. Olsztyn.
- Szostakowski J., 2012: *Śladami pamięci*. Wilno.
- Šlekys J., 1985: Lietuvių-rusų literatūriniai ryšiai XIX a. pirmoje pusėje (1801–1861), in *Literatūra ir kalba*, XVIII: *Literatūriniai ryšiai*. Vilnius, 57–98.
- Vil'no, 1858: Vil'no = Wilno, *Vilenskii vestnik = Kurjer Wileński*, 96, 9 dekabrya, 1026–1027.
- Zapiski, 1856 = *Zapiski Vilenskoj arkheologicheskoi komissii*, I. Pod red. A. Kirkora i M. Guseva = *Pamiętniki komisji archeologicznej Wileńskiej*, I. Pod red. M. Balińskiego i L. Kondratowicza. Wilno.

PAVEL LAVRINEC

Pavel Kukolnik and the Polish-Speaking Poets of Lithuania

Relations between the Vilnius censor, historian and poet Pavel Kukolnik (1795–1884) and the Polish-speaking poets of Lithuania were considered in the biographical and scientific literature, but the topic was not exhausted. The rapprochement between Kukolnik and some historians and writers of Vilnius (Adam Honory Kirkor, Teodor Narbutt, Ignacy Chodźko and others) began in the late 1840s and early 1850s. Friendly relations and business ties were strengthened during the conditions of the liberalization of the regime under Governor-General Vladimir Nazimov (1855–1863). Key factors in the building the

relations with Polish scientists and writers were their joint activities in the Vilnius Archaeological Commission and the post of censor, which was held by Kukolnik. He authorized the printing of books written by Władysław Syrokomla (Ludwik Kondratowicz), Antoni Edward Odyniec, Wincenty Korotyński, Karolina Proniewska and other Polish-speaking authors. Kukolnik held their works in high regard, especially espousing the religious motives that were close to him. In turn, Proniewska devoted a poem to him; at least seven Kukolnik's poetic texts became the source of eight translations into Polish by Syrokomla, Korotyński, Odynieci (one poem was translated twice by Korotyński and Odyniec, one translation was published without a signature).

Keywords: Pavel Kukolnik, Lithuania, translation, Polish poetry, Russian poetry, literary connections.

PAVEL LAVRINEC

Pavelas Kukolnikas ir Lietuvos lenkakalbiai poetai

Vilniaus cenzoriaus, istoriko, poeto Pavelo Kukolniko (1795–1884) santykiai su Lietuvos lenkakalbiais poetais buvo nagrinėjami biografinėje ir mokslinėje literatūroje, tačiau tema nebuvo išsemta. Kukolniko ir Vilniaus literatų bei istorikų (Adomo Honorijaus Kirkoro, Teodoro Narbuto, Ignacijaus Chodzko ir kitų) suartėjimas prasidėjo 1840 metų pabaigoje – 1850-ųjų pradžioje. Draugiški ir dalykiniai ryšiai sustiprėjo režimo liberalizavimo sąlygomis valdant generalgubernatoriui Vladimirui Nazimovui (1855–1863). Santykių su lenkų mokslininkais ir literatais svarbūs veiksniai buvo bendradarbiavimas Vilniaus archeologijos komisijoje bei Kukolniko cenzoriaus pareigybė. Su jo leidimu išeidavo Vladislavo Sirokomlės (Liudviko Kondratovičiaus), Antano Eduardo Odineco, Vincento Korotinskio, Karolinos Praniauskaitės ir kitų lenkakalbių autorių knygos. Kukolnikas aukštai vertino jų kūrybą, ypač religinius motyvus, artimus jam pačiam. Savo ruožtu Praniauskaitė dedikavo jam eilėraštį; mažiausiai septyni Kukolniko eiliuoti tekstai tapo aštuonių Sirokomlės, Korotinskio, Odineco vertimų į lenkų kalbą šaltiniais (vienas eilėraštis buvo išverstas Sirokomlės ir Odineco du kartus, vienas vertimas paskelbtas be parašo).

Reikšminiai žodžiai: Pavelas Kukolnikas, Lietuva, vertimas, lenkų poezija, rusų poezija, literatūriniai ryšiai.

Поступило в редакцию: 28 августа 2017 г.

Принято к печати: 19 сентября 2017 г.

Pavel Lavrinec, доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русской филологии Вильнюсского университета

Pavel Lavrinec, PhD (Humanities), Assoc. prof. of the Department of the Russian philology, Vilnius University.

Pavel Lavrinec, humanitarinių mokslų daktaras, Vilniaus universiteto Rusų filologijos katedros docentas.

E-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt